

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Д. М. Насилов

К ПРОБЛЕМЕ ТОЖДЕСТВА АФФИКСОВ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В современной алтаистике все еще противостоят две точки зрения на принципиально важный вопрос об исторических связях между алтайскими языками: обусловлены ли они генетически или возникли в результате вторичных схождения на базе типологической общности этих языков. Но, несмотря на то или иное решение данной проблемы (так называемой проблемы «общности алтайских языков»), алтаистика занимается исследованием совершенно очевидно существующих между алтайскими языками взаимных связей, которые проявляются в общности языкового материала, особенно очевидной в лексике и в морфологии. Дискутируется также вопрос об использовании при грамматических реконструкциях внутри отдельных групп алтайских языков, в частности и тюркских, данных из истории других групп алтайских языков и результатов общеалтайской реконструкции.

Обсуждая степень зависимости между тюркской и общеалтайской сравнительно-исторической грамматикой, одни тюркологи считают, что необходимо выходить «за пределы тюркской семьи языков», поскольку это позволяет увеличить временную глубину реконструкций и более точно соотнести сумму языковых фактов с явлениями позднейших схождения и взаимовлияний алтайских языков¹. Другие ученые в этом вопросе придерживаются противоположных взглядов, отрицая полезность привлечения для восстановления ранних этапов развития тюркских языков имеющихся на сегодняшний день алтайских реконструкций в области фонетики и морфологии. Так, А. М. Щер-

¹ См.: А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 22; Э. Р. Тенишев. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков.— СТ. 1973, № 5, с. 124; Э. В. Севортян. К источникам и методам пратюркских реконструкций.— ВЯ. 1973, № 2, с. 38—39.

бака категорически отвергает возможность использования монгольских и тунгусо-маньчжурских данных при реконструкции тюркских праформ². Так же скептически оценивает достижения алтаистики в области восстановления праязыковых фактов для отдельных групп языков и Г. Дёрфер³.

С указанными выше противоречивыми выводами непосредственно связана постановка одной из спорных в той же тюркологии и в алтаистике в целом проблем о тождестве грамматических формантов, о критериях разграничения и идентификации морфологических показателей, которые синхронно, а также и при реконструкции имеют одно и то же материальное воплощение, воспринимаются как омоформы. Отсюда же проистекают многочисленные обвинения алтаистов в слишком «вольных» сопоставлениях, необоснованных сближениях формантов, неудовлетворительности ряда параллелей и т. п. Однако, несмотря на важность данной проблемы, она в алтаистике, собственно, и не обсуждалась специально, если не считать отдельных высказываний исследователей о методах их собственных сопоставлений при морфологическом анализе.

Вряд ли подлежит сомнению доказательность морфологических корреляций при установлении родственных связей между языками. При морфологических реконструкциях исследователь, пользующийся сравнительно-историческим методом, имеет дело с показателями, которые материально репрезентируются одним и более звуками. При учете фонетических соответствий и при наличии удовлетворительных семантических связей есть возможность поставить вопрос о едином источнике происхождения данных формантов и предпринять попытку реконструкции их праформы, архетипа. В противном случае вообще нельзя было бы обращаться к реконструкции грамматических показателей, говорить об их исторических вариантах, об их развитии.

Скептицизм в отношении алтайских языков, предлагающих сложный и до сего времени еще недостаточно полно и глубоко интерпретированный материал, тем не менее совершенно не оправдан. Следует думать, что методы сравнительно-исторической грамматики, развившиеся на другом языковом материале, оказываются действительными и на алтайской почве⁴.

С другой стороны, действительно, исходя из своеобразия алтаистического материала и уровня его интерпретации современ-

² А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 12.

³ Г. Дёрфер. Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? — ВЯ. 1972, № 3; ср.: Дж. Клоусон. Лексико-статистическая оценка алтайской теории. — ВЯ. 1969, № 5.

⁴ См.: Э. А. Макаев. Вопросы построения сравнительной грамматики тюркских языков. — СТ. 1971, № 2.

ной алтаистикой, имеется потребность более широкого обсуждения методических приемов реконструкции, поисков доказательности и наглядности проводимых в алтаистике сопоставлений. Не случайно, что именно эти вопросы вызвали оживленную дискуссию на страницах журналов «Вопросы языкознания», «Советская тюркология» и на алтаистических конференциях⁵.

В современной алтаистике часто считается, что абсолютная идентификация омоморфом может базироваться только на введении последних к одному и тому же полнозначному (или служебному, окказионально служебному) слову. Во всех прочих случаях доказательность падает, и появляется простор для «вольных» сопоставлений и различных «натяжек». При этом приводится приблизительно такой довод: «Сравнение морфологических показателей не дает безусловно достоверного результата, так как они в большинстве случаев состоят из одного, двух или трех звуков. Кроме того, в агглютинативных языках морфологические показатели, как правило, однозначны и количество их в каждой языковой группе, относимой к алтайской семье, доходит до 300—400 (включая омертвевшие). Поэтому вполне вероятны случайные сходства»⁶. А. М. Щербак придерживается мнения о том, что успешной может быть этимологи́зация лишь тех аффиксов, для которых удастся достаточно правдоподобно представить звенья в цепи последовательных формально-фонетических преобразований самостоятельной лексемы в аффикс, хотя и здесь «деформация выразительной стороны» часто воздвигает непреодолимые препятствия⁷. Что же касается сложных морфем, то их разложение хотя и правомерно, но этимологическое отождествление компонентов, в силу их внешней однородности, в большинстве случаев малоубедительно и бесперспективно. Посылкой для таких выводов является признание А. М. Щербаком исключительной роли лексической десемантизации слов в процессе возникновения агглютинативных показателей в тюркских и в других алтайских языках, независимо от периодов исторического развития последних и глу-

⁵ См. упоминавшиеся выше статьи Дж. Клоусона, Г. Дёрфера, Э. В. Севортяна, Э. Р. Тенишева. См. также: Л. Г. Герценберг. Об исследовании родства алтайских языков.— ВЯ. 1974, № 2; А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки.— СТ. 1975, № 2; он же. О природе тюркской агглютинации.— ВЯ. 1976, № 4; А. М. Щербак. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках.— СТ. 1974, № 1; Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках.— Там же; Проблема общности алтайских языков. Л., 1971; Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. М., 1975.

⁶ А. М. Щербак. [Рец. на:] Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. I. Фонетика; II. Морфология.— НАА. 1961, № 4, с. 230.

⁷ См.: А. М. Щербак. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках, с. 31—33.

бины сравнительно-исторической реконструкции. А. Н. Кононов, Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева, наоборот, считают, что большинство современных многофонемных показателей образованы путем сложения более простых формантов (обычно с однородным значением) в целях либо уточнения и детализации выражаемых значений, либо подкрепления затухающего значения предшествующего показателя⁸. Как видно, последнее мнение перекликается с известными взглядами Г. Рамстедта и Н. Поппе.

По всей вероятности, опасно абсолютизировать тот или иной путь возникновения грамматических показателей в алтайских языках и подходить к этому вопросу панхронично. К тому же алтаистика не располагает пока фактами, допускающими трактовать алтайское праязыковое состояние, которое удастся теперь реконструировать, как весьма примитивную, неразвитую языковую данность, лишенную какой-либо формальной морфологии. Представляется, что рациональнее принять и для этого периода языкового развития существование морфологической системы, обслуживаемой также и определенным набором простых показателей.

В связи с этим интересно обратить внимание на высказывание А. П. Дульзона. Он писал: «В XIX в. эти языки (урало-алтайские.— Д. Н.) (как и индоевропейские) обычно возводились непосредственно к первобытному аморфному состоянию; конкретно это выражалось в том, что исследователи пытались происхождение каждого аффикса объяснить ранее существовавшим самостоятельным словом»⁹. Между тем, учитывая необходимый уровень развитости языка древнейших предков носителей этих языков, есть все основания предполагать, как думает А. П. Дульзон, что показатели алтайских языков возникали также из «исходного материала, имевшегося еще в доалтайское время».

Конечно, семантическое сходство ряда синхронно функционирующих показателей не может быть прямым свидетельством их генетической тождественности. Требуется, очевидно, восстановление первичного, исходного значения морфемы в согласии с законами фонетических соответствий и установление способов и особенностей реализации данного значения в различных грамматических категориях в ходе исторического развития языка. И если каждый случай употребления морфемы может быть ин-

⁸ См.: Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках; А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки; он же. О природе тюркской агглютинации.

⁹ А. П. Дульзон. Происхождение алтайских показателей множественного числа.— СТ. 1972, № 2, с. 3.

терпретирован как конкретное проявление найденного общего значения, вопрос о единстве данных морфем, как представляется, приобретает реальные основания. Что касается многоэлементных показателей, то для алтайских языков неправомерно исключать возможность фузионного возникновения формантов на базе слияния ряда гомогенных или гетерогенных простых показателей¹⁰. В этом плане для алтаистики может представлять интерес поиск их составных элементов и идентификация последних с другими грамматическими формантами.

Именно в этом направлении работал основатель современной алтаистики Г. Рамstedт. Так же подходит к подобным вопросам и Н. Поппе. Таким образом, оба ученых видят в целом задачу анализа многоэлементных, сложных по составу аффиксов именно в установлении состава последних, идентификации их компонентов на основе фонетических и семантических закономерностей, а также в реконструкции и определении функциональной нагрузки этих компонентов (первичных простых аффиксов) в языке и ее последующих исторических филиаций по группам языков или в отдельных алтайских языках, хотя они и не отрицают возможности происхождения отдельных показателей из агглютинированных знаменательных и служебных слов. В вопросе о тщетности попыток огульного возведения аффиксов к отдельным словам они солидарны, подчеркивая, что древнейшие аффиксы вообще с трудом поддаются анализу с точки зрения их происхождения.

Таким образом, с излагаемых позиций многие морфологические показатели в современных алтайских языках предстают как результат длительного исторического развития первичных показателей (в том числе их сложения, фузии), а также грамматикализации десемантизированных слов. Поэтому путь исследования алтайских формантов, предложенный Г. Рамstedтом и поддержанный его учениками и последователями, выглядит методологически вполне оправданным на современном уровне развития алтаистики.

Заслуживает также внимания мысль Г. Рамstedта о том, что алтайские языки располагают «твердо откristаллизовавшимися морфологическими типами слов, которые и используются для образования новых, аналогичных друг другу форм»¹¹.

¹⁰ См.: А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках.— Структура и история тюркских языков. М., 1971; он же. О генезисе тюркских аффиксальных морфем.— Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов. 2. М., 1974; И. В. Кормушин. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков.— Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

¹¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 30.

На этом принципе базируются общие закономерности словообразования в алтайских языках, поэтому и более поздние по происхождению форманты принимают на себя ту же функциональную нагрузку, какую несли ранее их прототипы. Как писал Рамстедт, эти новообразования «опираются на некое обобщение известных, легко воспринимавшихся типовых окончаний, которые послужили для них шаблонами»¹². В этих словах речь идет о тех явлениях, которые позднее были связаны с понятием «устойчивости агглютинативного строя языков»¹³. Иначе говоря, дальнейшее усложнение аффиксов происходило на основе определенных семантических закономерностей, поэтому для исторической грамматики алтайских языков равно важно как восстановление формального развития грамматических показателей, так и реконструкция их семантической эволюции, хотя для современной алтаистики в целом характерно обращение прежде всего к первой стороне этих явлений.

Г. Рамстедт как-то отметил, что алтаистика должна исходить из предположения, что закономерности языкового развития, действующие в алтайских языках, одинаковы с «законами общего языкознания»¹⁴. Поэтому и при сравнительно-исторических исследованиях необходимо учитывать те возможные направления эволюции отдельных грамматических категорий и их репрезентантов, а также изменения в области фонетики, которые удастся установить на материале других языков. Ряд подобных вероятностных обоснований применительно к алтайским языкам, которые основываются на учете фреквенталий, содержится в книге Б. А. Серебрянникова «Вероятностные обоснования в компаративистике»: «Значения грамматических формативов, по сравнению с лексическими, имеют гораздо менее широкую сферу возможного развития, что существенно облегчает применение метода вероятностных обоснований»¹⁵.

Сказанное выше можно кратко проиллюстрировать рассмотрением ряда простых показателей способов глагольного действия в трех группах алтайских языков — тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Эти показатели определяются как простые, или первичные, только в том смысле, что наряду с ними существуют и сложные, или вторичные, показатели, которые включают в себя данные первичные.

Аффиксальные средства, связанные с семантикой способов

¹² Там же, с. 141.

¹³ См.: Б. А. Серебрянников. О причинах устойчивости агглютинативного строя.— ВЯ. 1963, № 1, с. 54.

¹⁴ G. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II. Lautlehre. Helsinki, 1957, с. 13.

¹⁵ Б. А. Серебрянников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 158.

действия, соотносятся и исторически, и синхронно с системой образования глаголов от неглагольных частей речи, а также и с отглагольным словообразованием, т. е. с системой всех средств глаголообразования в каждой группе алтайских языков. Эти аффиксы передают в основном количественные характеристики действия.

В алтайских языках аффиксы *-а*, *-і*, *-уа*, *-үі* выступают как показатели многократно-учащательного способа действия. Все они непродуктивны или имеют очень незначительную продуктивность.

В тюркских языках аффикс *-а* образовывал глаголы со значением признака процесса или его результата, названия процесса, результата, места и направления от имен с семантикой названия процесса, его признака или результата (*јаша-* 'жить' — *јаш* 'возраст', *түзә-* 'ровнять' — *түз* 'ровный', *-кана-* 'кровоточить' — *кан* 'кровь', *ата-* 'называть' — *ат* 'имя', *түнә-* 'ночевать' — *түн* 'ночь' и др.), при глаголах он использовался как показатель интенсивности и учащательности (*өнә-* 'взмывать' — *өн* 'подниматься', *бура-* 'крутить' — *бур* 'поворачивать', *-кајна-* 'кипеть', 'кишеть' — *кајын-* 'кипеть' и др.)¹⁶. Представление о процессе, динамическом признаке связано с представлением о временной протяженности какого-либо явления, его длительности, типичности, множественности проявления. На этой основе можно попытаться реконструировать более частное конкретное значение данного глаголообразующего форманта *-а*, которое, вероятно, будет также связано с наиболее общим значением данной модели словообразования — процессуальным признаком, накладываемым на семантику конкретного предметного имени. Таким частным значением могло быть значение многократности, повторяемости, обычности и, как вариант, учащательности. Все эти значения процессуальны по своему содержанию, поэтому не удивительно, что аффикс *-а* связан функционально преимущественно с глаголом. При присоединении его к определенным типам имен, «поддающихся» приписыванию им глагольных признаков данного плана, происходило совмещение их семного содержания со значением многократности у аффикса *-а*. Присоединение *-а* к глаголу, который по своей природе уже обозначает процесс, позволяло реализовать также значение многократности, причем более явно, чем в первом случае, — возникает глагол с многократным (либо учащательным) значением. Учитывая общетюркский характер этого показателя и его древность, можно таким образом определить его статус: в тюркском праязыке в сфере глагола имелся deriva-

¹⁶ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 203—230.

ционный формант *-a* со значением многократности, который выступал в деноминативных дериватах и в отглагольных, подчеркивая в последнем случае специально многократность, учащность или интенсивность глагольного действия, т. е. он передавал итеративный способ действия.

С предлагаемых позиций появляется возможность по-иному рассмотреть функцию форманта *-a*, выступающего и в других глагольных образованиях. Видимо, этот же показатель является компонентом аффикса *-aγan < -a + -γan*, образующего в ряде тюркских языков причастия настоящего или настояще-будущего времени: ккалп. *береген* 'колым алаған' 'дающая рука и братья любит', *көреген* 'зоркий'. На связь интенсивно-дуративного *-a* и *-a* как показателя деепричастия сопутствующего действия обратил внимание Б. А. Серебренников¹⁷. На основе этого деепричастия в тюркских языках формируется форма настоящего времени: узб. *бораман* 'я иду', *бераман* 'я даю', *билади* 'он знает'.

Таким образом, выстраивается целый ряд функций показателя *-a* в морфологической системе тюркских языков: образование отыменных глаголов, образование вторичных глагольных основ с учащательно-интенсивным значением, образование деепричастия сопутствующего действия, образование формы настоящего времени. Формант *-a*, имея собственное грамматическое значение многократности, реализует его в различных позициях, передавая определенные смысловые модификации производящей основы (и именной, и глагольной). Нетрудно видеть, что все эти реализации объединяет общее значение фреквентативности. Указанные функции дистрибутивно обусловлены, исторически разновременны и поэтому воспринимаются столь независимыми и несовместимыми друг с другом, но то общее, что заложено в показателе *-a*, позволяет, как представляется, говорить об исторически едином праязыковом форманте *-a*.

Аналогичные функции имел в тюркских языках также и показатель *-i*, сфера употребления которого, однако, более узкая.

В тюркских языках представлены также формы *-γa* и *-γi*, отмечаемые в области отыменного и отглагольного словообразования и формообразования. В отглагольных глаголах они используются как показатели учащательного способа действия. Общность указанных функций позволяет соотнести между собой показатели *-a*, *-i*, *-γa*, *-γi*, считая вслед за Э. В. Севортьяном первые два дальнейшим историческим развитием вторых.

В монгольских языках представлены те же показатели, обозначающие либо глаголы от имен, либо вторичные глаголы со

¹⁷ Б. А. Серебренников. Из истории звуков и форм тюркских языков.— СТ. 1975, № 1, с. 12—18; он же. Причины резкого уменьшения числа аффиксов многократного действия и сокращения сферы их употребления в тюркских языках.— Там же. 1975, № 6.

значением транзитивности или каузативности, либо отглагольные имена с процессуальным значением. Имеются семантические основания для сближения показателей каузативности с показателями интенсивности—учащательности, поскольку за ними скрыто выражение общего значения множественности¹⁸.

Это говорит в пользу того, что в пределах тюркских и монгольских языков допустимо сопоставить между собой показатели отдельных морфологических категорий и показатели деривационные.

Интересные соответствия дают и тунгусо-маньчжурские языки. Еще Г. Рамстедт устанавливал прямое соответствие фактитивно-каузативного аффикса *-ya* в монгольском языке с эвенкийским *-ya*, образующим переходные глаголы от непереходных. В тунгусо-маньчжурских языках отмечен и показатель *-yi*, образующий глаголы как от имен, так и от глаголов. Вторичные глаголы также имеют значение фактитивно-каузативное или интенсивно-учащательное.

Итак, во всех группах алтайских языков достаточно четко выявляются показатели, связанные со сферой глагола и представляющие собой фонетически сопоставимые группы *-a ~ -ya* и *-i ~ -yi*. В каждой из групп удается семантически и функционально связать между собой в рамках единой деривационной функции с однородным значением варианты аффиксов с начальным консонантом и без него, т. е. допустить их соотношение как альтернативу фонеморфологических вариантов единого формата. Правда, вопрос о природе этого гуттурального начального консонанта в алтаистике до конца еще не выяснен. Семантически все эти показатели объединены значением многократности. На этой базе можно говорить о единстве праязыкового форманта в пределах алтайской языковой общности.

Иными словами, показатели с однородным (исторически) значением могут проявлять себя в одном языке или группе языков в качестве формативов ряда морфологических образований, и поэтому нет прямой необходимости считать родственными только те аффиксы, функции которых синхронно воспринимаются как гомогенные. Если для аффиксов имеются удовлетворительные фонетические межъязыковые соответствия, которые подкрепляются семантическим единством их функций, то можно признать, что речь идет, видимо, о межъязыковых отражениях одного и того же форманта.

¹⁸ См.: Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 171—177; Л. З. Сова. Функции суффикса *-isa* в языке зулу.— «Africana». Т. 8. Л., 1971, с. 127—150.